

УДК94(476.2) «1919–1921»

Система организации власти и управления Гомельской губернии в 1919–1921 гг.

С.А. ЕЛИЗАРОВ

Раскрываются вопросы формирования и функционирования органов власти и управления Гомельской губернии, характера отношений между различными властными структурами по горизонтали и вертикали, в том числе роли во властной местной иерархии органов большевистской партии в условиях военного времени 1919–1921 гг.

Ключевые слова: советская власть, Гомельская губерния, местные органы власти, кадровая политика, губернский исполнительный комитет, губернский комитет большевиков, губернский революционный комитет, укрепленный район.

The problems of formation and functioning of the organs of power and administration of the Gomel province, the nature of the relations between different authorities horizontally and vertically, including roles in local power hierarchy of the bodies of Bolshevik Party in wartime, 1919–1921 are revealed.

Keywords: soviet power, Gomel province, local authorities, personnel policy, province executive committee, province committee of Bolsheviks, province revolutionary committee, fortified district.

Научное исследование различных аспектов истории Гомельской губернии (геополитических, военно-стратегических, экономических, политических, межнациональных и конфессиональных) активизировалось с 1990-х гг., при этом основной вклад внесли и продолжают вносить гомельские историки – преподаватели исторического факультета ГГУ Г.Г. Лазько, В.П. Пичуков, А.Д. Лебедев, В.М. Лебедева, М.И. Старовойтов, А.И. Зеленкова, и др.

Вместе с тем, на взгляд автора, недостаточно внимания обращается на процесс формирования и функционирования органов власти и управления новой губернии, характер отношений между различными властными структурами по горизонтали и вертикали, в том числе роль органов большевистской партии во властной местной иерархии.

Проведенный автором анализ архивных материалов по истории Гомельской губернии 1919–1921 гг. показывает, что сложившееся в историографии представление о существовании в период гражданской войны и иностранной интервенции строго централизованной системы построения всей системы власти в Советской России требует значительной корректировки.

В этот период централизованная система с характерной для нее строгой иерархией властных статусов еще только формировалась и весьма непросто. Шел поиск таких форм организации власти, которые наиболее эффективно могли бы способствовать реализации текущих и стратегических задач советской власти. Для этого периода на местном уровне было характерно одновременное существование различных одноуровневых властных и управленческих органов (губисполкома, губревкома, Военного Совета гомельского укрепрайона), отношения между руководителями которых чаще всего строились на стремлении к доминированию, а не к сотрудничеству и компромиссам, к чему новые руководители на всех уровнях были не только не готовы, но и не были на них способны (за редким исключением). Все они были членами большевистской партии, построенной по принципу строгой вертикальной иерархии и чуждой самой идее компромисса, который рассматривался как проявление «мелкобуржуазной стихии» и слабости. Им был присущ инверсионный тип мышления, выразившийся в абсолютизации дуальной оппозиции, четко разграничивающей все многообразие мира и социальных отношений на два прямо противоположных полюса, один из которых приобретал однозначно-положительное значение, другой – столь же однозначно-негативное. Этот тип мышления и поведенческий стереотип новой генерации руководителей, а не только потребности военного времени, настоятельно требовал создания системы строгого вертикального соподчинения, что принято называть административно-командной системой.

Уже в процессе образования Гомельской губернии возникли серьезные противоречия между руководством могилевскими губернскими и гомельскими уездно-городскими властями: обе стороны стремились играть главные роли в руководстве новой губернии (прежде всего

речь шла о губисполкоме и его отделах, так как органы партийной власти в то время еще не заняли привычное для них впоследствии положение надгосударственных). Гомельские руководители, по инициативе которых и создавалась губерния, считали, что они и должны возглавить ее, превратив уездно-городской исполком и его отделы соответственно в губисполком и губотделы новой губернии. В свою очередь могилевские руководители ориентировались на состав могилевского губисполкома и его отделов как основу губернских органов власти и управления создаваемой Гомельской губернии, при этом указывая (как обязательный предварительный шаг к успешному их формированию) на необходимость преодоления «ненормальных личных отношений гомельских товарищей с нами» [1, с. 16, 32].

Первое время руководство Советской России в противоборстве «могилевской» и «гомельской» групп дистанцировалось от явной поддержки одной из них. Представляется, что поворот в сторону поддержки «могилевской группы» в Москве главным образом был результатом ликвидации «стрекопытовского мятежа», проходившего в Гомеле с 24 по 29 марта 1919 г. И наоборот, позиции «гомельской группы» значительно ослабли. Во-первых, в ходе «стрекопытовского мятежа» она потеряла ряд своих членов: были убиты председатель гомельского ревкома С.С. Комиссаров, члены ревкома Н.С. Билецкий и И.И. Ланге (председатель уездной ЧК), комиссар горотдела юстиции Б.Я. Ауэрбах и др. Во-вторых, допустившие мятеж партийно-советские органы (вне зависимости от их реальной вины в этом) уже не вызвали прежнего доверия в центре.

После подавления «стрекопытовского мятежа» отношения между Могилевом и Гомелем вышли на критическую точку. Могилевское руководство решило использовать эти события в целях закрепления своего доминирования в руководящих структурах будущей губернии. Могилевским губкомом 30 марта 1919 г. принял решение направить в гомельский ревком трех своих представителей и считать их «основным ядром Гомельского Ревкома» с задачей «никакого сепаратизма там не допускать» [2, л. 24].

17 апреля 1919 г. могилевский губисполком и губком РКП(б), опасаясь повторения восстания в Гомеле в связи с проблемами в обеспечении продовольствием проезжавших через Гомель воинских частей, на совместном заседании признали «необходимым срочно перенести Губцентры в Гомель», выделив для организации «нового губцентра тринадцать человек» из могилевских представителей [2, л. 45–45 об.]. 20 апреля 1919 г. (к этому времени президиум могилевского губисполкома уже находился в Гомеле как руководящий орган советской власти губернии) на объединенном заседании губкома РКП(б) и представителей исполкомов Могилевской губернии, Гомельского уезда и северных уездов Черниговской губернии был сделан очередной шаг по укреплению позиций «могилевской группы»: был утвержден персональный состав руководителей губернских отделов, практически все из которых возглавили могилевские представители (в том числе и предполагавшиеся «сформировать из гомельских местных кадров» губЧК и губСНХ) [2, л. 47].

27 мая 1919 г. на заседании пленума гомельского губкома РКП(б) с представителями уездных партийных комитетов Гомельской губернии рассматривался список кандидатов в гомельский губисполком. В результате голосования, проводившегося персонально по каждой кандидатуре, больше всех голосов получили могилевские представители: из 28 голосов 24 получил А.М. Ханов, И.З. Сурта – 19, И.Б. Геронимус, А.А. Цибарт и Ф.А. Леонюк – по 18. Председатель гомельского угорисполкома Д.С. Гуло получил 14 голосов, а председатель Полесского комитета РКП(б) М.М. Хатаевич – только 7 и с трудом прошел в состав членов губисполкома [2, л. 74–74 об.]. В избранный 30 мая 1919 г. президиум губисполкома вошли только представители «могилевской группы» во главе с А.М. Хановым [2, л. 78]. Таким образом, два наиболее влиятельных и авторитетных представителя «гомельской группы» М.М. Хатаевич и Д.С. Гуло (главные инициаторы создания Гомельской губернии) оказались в новом губернском руководстве на вторых ролях.

Д.С. Гуло фактически от дальнейшей борьбы с «могилевской группой» устранился. М.М. Хатаевич еще определенное время пытался влиять на позицию губернского руководства, но безрезультатно и в конце июня – начале июля 1919 г. по направлению ЦК РКП(б) уехал из Гомеля в Самару (в 1921 г. вернулся на должность секретаря гомельского губкома РКП(б) [2, л. 90].

Анализ архивных документов не показывает наличия каких-либо внятных разногласий между двумя группами (несмотря на заявление М.М. Хатаевича о «сильных разногласиях и коренных расхождениях») по экономическим и политическим вопросам советской политики, методам и средствам осуществления линии по советизации губернии и реализации указаний московского центра, а также по отношению к проблеме вхождения в состав ССРБ. Представляется, что главным в этом противостоянии были личные амбиции могилевских и гомельских партийно-советских руководителей. Большинство из них были людьми молодыми (в среднем от 25 до 30 лет), не имевшими ни достаточного политического опыта, ни знаний, умений и навыков управленческой работы, но получившими в результате революции руководящие посты в системе новой власти и не желавшие их терять, при этом, вероятнее всего, уверенные, что именно они смогут эффективнее реализовать коммунистические идеи, о которых у них существовали достаточно смутные теоретические представления (подавляющая их часть стали членами большевистской партии после февральской революции – «ветеранами» партии из первых лиц губернии можно считать только А.М. Ханова и М.М. Хатаевича с партийным стажем соответственно 12 и 5 лет). Борьба между этими двумя группами, не способными к разумным компромиссам во имя общего дела, в сложной военно-политической и экономической ситуации начала 1919 г. лишь усугубляла существовавшие в губернии проблемы.

Дальнейшие события показали, что это не был исключительный случай: противоречия и внутри гомельского руководства, и конфликтные ситуации с военными и центральными властями возникали не единожды. Отношения в Гомельской губернии (как и всей советской России) между различными властными структурами на местах в период военного времени не были строго регламентированы и степень их взаимодействия определялась в значительной (а иногда и в решающей) мере личными качествами их руководителей, наличием (или отсутствием) между ними взаимопонимания.

1919–1921 гг. было временем усиления роли партийных органов в системе власти и управления и превращения их в высшую структуру этой системы. Имеющиеся в распоряжении автора архивные документы дают основание утверждать, что в 1919 г. в Гомельской губернии этот процесс в видимой форме еще не проявлялся, а реальные рычаги влияния сосредоточивались в руках губисполкома и его председателя. В отношениях между губкомом и губисполкомом видимых конфликтов не было. Такое бесконфликтное существование было следствием прежде всего наличие сплоченности внутри «могилевской группы», пришедшей к власти в губернии в результате острой борьбы с «гомельской группой», а не наличием формализованной, не зависящей от личных качеств руководителей, системы отношений партийных и советских органов власти. Лидеры этой группы А.М. Ханов и И.З. Сурта весь 1919 г. менялись должностями председателя губисполкома (губревкома) и губкома, хорошо друг друга знали, понимали и доверяли друг другу, могли (что было скорее редким исключением, чем правилом) принимать согласованные решения.

Но как только в руководстве губернии появлялись новые люди, которые в эту систему взаимоотношений не вписывались, то возникали серьезные конфликты. Так, в сентябре 1919 г. был создан гомельский укрепрайон (ГУР). ГУР должен был решать чисто военные задачи, не заменяя собой обычные советские структуры власти и управления. Для руководства ГУР был сформирован Военный Совет ГУР во главе с комендантом Наумовым (бывшим комендантом Пензенского укрепрайона). Практически сразу между ним и местными органами власти возникли противоречия. Фактически Наумов занял независимую от местной власти позицию, игнорируя мнение губернских партийных и советских властей, принимая самостоятельные, не согласованные с ними решения. Обвинения в «нетактичности» и потере доверия со стороны ответственных работников губернии Наумов отвергал, объясняя все свои действия интересами порученного ему дела и заявляя, что «не будет делать ни одного отступления от намеченных перед ним задач» [2, л. 194]. Эти противоречия продолжались далее (вплоть до конца мая 1920 г.) и при новом руководителе ГУР Кундо.

В январе 1920 г. на губпартконференции и II губсъезде Советов руководство губкома и губисполкома подверглось резкой критике за «расшатанность партийного и советского аппарата», отсутствие связи с местами, в результате чего состав гомельского губернского руководства значительно обновился за счет работников из уездов: на пост председателя губкома РКП(б) был избран Х.Г. Пестун, председателя губисполкома – Леонов. Бывшие руководите-

ли губернии А.М. Ханов и И.З. Сурта стали формально обычными членами президиума губбисполкома. Однако из-за болезни Леонов фактически к своей работе и не приступил и в губбисполкоме главную роль продолжали играть А.М. Ханов (в апреле 1920 г. ставший вновь предгуббисполкома) и И.З. Сурта [3, л. 2, 138], [4, л. 59 об.] В отношениях между губкомом и губбисполкомом стал нарастать кризис: прежняя система взаимоотношений губкома и губбисполкома, основанная на личных контактах их руководителей, перестала действовать.

Как свидетельствуют документы, фактически в основе конфликта в руководстве губернии, достигшего своей высшей точки к началу мая 1920 г., лежало стремление нового состава губкома определять кадровую политику в советских органах (прежде всего в губбисполкоме), которое (с формальной точки зрения) выразилось в попытке губкома повести «борьбу с расхлябанностью, разгильдяйством, пьянством и преступлениями среди ответственных коммунистов, советских работников губернской верхушки» [3, л. 138 об.]. Эта кампания началась с «дела Абрамовича» (Абрамович – член коллегии губСНХ, член губернского правления союза металлистов), продолжило – «дело Цибарта» (А.А. Цибарт – член ГИК, зав. отделом социального обеспечения и труда губбисполкома, член президиума губсовета профсоюзов). Вскоре было заведено дело против коммунистов-руководителей губернского ЧК, обвиненных в «кутежах». Наиболее крупным стало «дело Кундо» (Кундо – комендант ГУР и губвоенком, как и его предшественник Наумов, проводил самостоятельную линию, не согласовывая свои действия с губкомом). Кундо был переведен в кандидаты в члены РКП(б) и по предложению губкома распоряжением смоленского окружного военкома смещен со своей должности «за полную хаотичность, нераспорядительность, плохую постановку учета как в области хозяйственной, так и распределении Коммунистических сил, слабую связь с комсомом, ячейками, медленное и плохое исполнение приказов Центра». Новый губвоенком Немцев в первом же своем докладе на заседании губкома 26 мая 1920 г. заявил, что «будет базировать в своей работе на губком как политический губцентр» [3, л. 129–130].

К этому времени в руководстве губернии фактически сформировались две группы ответственных руководителей: одна группа (большинство губкома) – «группа губкома», куда входила и часть руководства губбисполкома, другая – «группа губбисполкома» (часть руководства губбисполкома во главе с председателем А.М. Хановым). Фактически, как уже отмечалось выше, вопрос шел о том, кто будет определять кадровую политику в советских органах власти – губком или губбисполком. Линия губкома на ужесточение требований к моральному облику коммунистов-руководителей председателем губбисполкома А.М. Хановым интерпретировалась как «террор против ответственных работников» и попытка «подкапывания под то, что строил в свое время»: он обвинил губком в проведении линии «с целью опорочивания и выживания целого ряда ответственных работников», в «личной неприязни» к ряду работников губбисполкома и попросил, как и И.З. Сурта, о переводе в другие губернии или в Красную Армию [3, л. 123–123об., 129].

25 мая 1920 г. в связи с переходом губернии на военное положение и «принимая во внимание близость фронта и в целях создания единой, сильной революционной власти в губернии» губбисполком себя упразднил и передал всю власть губревкому [4, л. 64]. При этом отделы губбисполкома продолжали работать, выполняя задания губревкома. В результате этого противостояния «группа губкома» одержала победу: А.М. Ханов лишился должности предгуббисполкома и окончательно потерял свое влияние на принятие решений, хотя и оставался членом губкома. Шансов занять какой-либо важный пост в гомельской иерархии, учитывая его постоянные конфликты с руководством губкома, у него не было и он добился своего откомандирования в распоряжение ЦК РКП(б) с назначением на работу в Нижний Новгород. И.З. Сурта перешел на работу в центральный аппарат ВЧК.

Одновременно в мае 1920 г. возник острый конфликт между руководством гомельского губкома РКП(б) и Председателем РВС Республики Л.Д. Троцким. На должность предгубревкома по приказу Л.Д. Троцкого был назначен А.М. Пыжев, отрицательное отношение к которому со стороны губкома Л.Д. Троцкому было известно. В приказе от 10 мая 1920 г., подписанном Л. Троцким, губревкому передавалась вся полнота власти и право снимать всех местных ответственных советских работников. Никто, кроме вышестоящих органов армии и фронта, не имел права «вмешиваться, отменять или изменять распоряжения губревкома» [3, л. 115].

Фактически губком терял свое значение, превращаясь в малозначимый и маловлиятельный орган, лишенный главного рычага влияния на ситуацию в губернии – расстановку кадров ответственных работников. Это решение Л.Д. Троцкого было воспринято на заседании губкома 11 мая 1920 г. как шаг, ведущий к разрушению работы губкома и подрыву его авторитета, фактической ликвидации губкома. Было принято решение «просить Центральный Комитет отменить приказ тов. Троцкого и восстановит в партийных правах по отношению конструирования местных органов, также и учета и распределения партийных работников или распустить губком, прислав для расследования на месте своего представителя» [3, л. 112–112об].

В Оргбюро ЦК РКП(б) был передан соответствующий доклад, однако рассматривался этот вопрос в Оргбюро или нет – в архивных материалах ответа найти не удалось. Посланный в Москву член губкома, губисполкома и ВЦИК Я.Г. Егоров смог только сообщить, что секретарь ЦК РКП(б) Н.И. Крестинский назвал приказ Л.Д. Троцкого «правильным», хотя тут же пообещал прислать вскоре в Гомельскую губернию на место А.М. Пыжева нового председателя губревкома [3, л. 171].

По всей видимости, такое давление на А.М. Пыжева свою роль сыграло и в дальнейшем конфликтные ситуации в отношении с губкомом в документах не фиксируются, а губком (как свидетельствуют протоколы заседаний губкома) продолжил решать кадровые вопросы, перемещая ответственных работников губернского и уездного масштаба.

В целом военный период 1919–1921 гг. представляет исключительный интерес с точки зрения понимания генезиса советской системы управления, исследования различных альтернативных вариантов построения этой системы и принципов, методов и средств взаимодействия составлявших ее элементов. В годы гражданской войны и интервенции на местах система взаимоотношения между партийными и советскими органами определялась, с одной стороны, стремлением государственных структур власти и управления к значительной автономии, в том числе и в решении кадровых вопросов, с другой – стремлением партийных комитетов встать над Советами. О необходимости разграничения функций партийных и советских органов, определения четкого их места во властной структуре говорилось еще на VIII съезде РКП(б) (март 1919 г.) [5, с. 446–447]. Однако только к концу военного периода на местах партийные органы стали доминировать в системе государственного управления, превратившись в высшую управленческую структуру, что получило свое закрепление в документах XI съезда РКП(б) (март–апрель 1922 г.) [5, с. 600–601]. По решению съезда, партийные органы должны были ставить задачи, определять средства, методы их решения, а советские органы – осуществлять их выполнение, отвечая за это перед партийными органами. «Разграничение» на деле означало, что теперь у партийных инстанций появилась возможность снять с себя долю ответственности за нерешенные экономические вопросы, перекладывая ее на советские органы. А главным рычагом партийной власти, безусловно, становилась более жесткая кадровая политика: без контроля этой сферы все партийные решения могли бы оставаться лишь «заявлениями о намерениях».

Литература

1. Гомельская губерния 1919–1926 гг.: док. и материалы / сост. : М.А. Алейникова [и др.] ; редкол. : В.И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2009. – 270 с.
2. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Фонд 1. – Оп. 1. – Д. 12. Протоколы заседаний могилевского и гомельского губкомов РКП(б) и документы к ним, 1919–1920 гг.
3. ГАООГО. – Фонд. 1. – Оп. 1. – Д. 211. Протоколы заседаний гомельского губкома РКП(б), 1920 г.
4. Государственный архив Гомельской области. – Фонд 24. – Оп. 1. – Д. 67. Протоколы заседаний гомельского губисполкома, 1919–1920 гг.
5. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК: в 2 ч. – Москва : Гос. изд-во политической литературы, 1953. – Ч. 1 (1898–1925). – 952 с.